

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Карамзин

До сих пор вокруг имени Карамзина идут оживленные споры и дискуссии. Историки, литературоведы, лингвисты вновь и вновь обращаются к наследию этого писателя; они по-разному судят о его творчестве, однако единодушно признают, что с именем Карамзина связан существенный этап в развитии русской культуры.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года недалеко от Симбирска в небогатой дворянской семье. С детских лет он полюбил книги, много читал. Эта любовь и уважение к книге сохранились у Карамзина в течение всей жизни и в известном смысле предопределили его судьбу.

С 80-х годов Карамзин, по примеру своего друга И. И. Дмитриева, стал заниматься переводами: первым печатным трудом был перевод идиллии С. Гесснера «Деревянная нога» (1783). Знакомство с Н. И. Новиковым и другими членами масонского кружка способствовало, по выражению Дмитриева, «нравственному образованию» Карамзина. Под влиянием своих старших друзей (А. М. Кутузова¹, И. П. Тургенева², А. А. Петрова³) будущий писатель стал серьезно задумываться над проблемами добра и зла, истины и справедливости, отношения человека к себе и к другим людям. Вместе с А. А. Петровым Карамзин деятельно участвовал в журнале «Детское чтение», где помещал и переводы, и свои первые оригинальные литературные опыты. К концу 80-х годов Карамзин прекрасно знал западноевропейскую литературу, о чем свидетельствуют, в частности, переводы «Эмилии Галотти» Лессинга и «Юлия Цезаря» Шекспира.

Несмотря на тесные связи с крупнейшими деятелями масонства, Карамзин не во всем соглашался с ними. Юноше были чужды мистические идеи розенкрейцеров, их призывы отречься от земного суетного мира. В 1789—1790 годах Карамзин совершил

путешествие по Европе. Посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию; встретился со многими видными философами и писателями; познакомился с бытом и культурой этих стран. Свои впечатления он изложил в знаменитых «Письмах русского путешественника». Это одно из самых лучших произведений русской прозы конца XVIII века. Описания крупнейших европейских городов, их достопримечательностей и пейзажей чередуются с бытовыми сценками; рассуждения на философские и политические темы — с лирическими отступлениями.

Карамзин начал публиковать «Письма» в «Московском журнале» (1791—1792), который стал самостоятельно издавать вскоре после возвращения из путешествия.

Кроме «Писем русского путешественника», Карамзин напечатал в «Московском журнале» целый ряд своих сочинений. Особенно широкую известность получила его повесть «Бедная Лиза», вызвавшая огромное количество подражаний и ставшая хрестоматийным произведением. Сюжет повести незамысловат, но необычным для современников Карамзина было то, что главной героиней оказалась простая крестьянка, умеющая искренне и глубоко любить. Просветительская идея внесловной ценности человека была здесь выражена с большой убедительностью. В «Бедной Лизе» читателю наших дней многое может показаться наивным, однако нельзя забывать, что именно с этой повести в русской литературе начинается тема «маленького человека» — тема, привлекавшая затем внимание Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Повесть «Наталья, боярская дочь» тоже выделяется среди других произведений, напечатанных в «Московском журнале». Писатель обращается к временам далекого прошлого России, выражая желание «беседовать ... о характере славного народа русского»⁴. Правда, национальный колорит носит довольно поверхностный характер, но самое внимание к этой проблеме было очень плодотворно для будущего историографа. В художественном отношении повесть не менее интересна, чем «Бедная Лиза». В «Наталье» гораздо ярче проявились некоторые стороны таланта Карамзина как прозаика: более сложный «таинственный» сюжет, лукавый юмор, переходы к непринужденной беседе с читателем.

Журнально-публицистическая деятельность Карамзина лишь в 1960-е годы получила должную оценку. Между тем и в этой области ему принадлежит право первооткрывателя. В «Московском журнале» он периодически печатал обзоры вновь вышедших русских и иностранных книг, театральные рецензии, пере-

воды критических статей из современных зарубежных изданий. Благодаря этому русский читатель был введен в курс важнейших русских и европейских литературных событий и мог довольно верно ориентироваться в выборе книг. На страницах «Московского журнала» неоднократно упоминается Оссиан, встречаются имена Шекспира, Гёте, Руссо, Стерна, Шиллера и других крупнейших писателей мировой литературы.

Как и большинство русских дворян конца XVIII века, Карамзин не мог правильно понять французскую буржуазную революцию, свидетелем которой он был в Париже во время путешествия. Питая симпатии к республиканским идеалам (он даже называл себя «республиканцем в душе»⁵), Карамзин с неприязнью отнесся к якобинской диктатуре. Сомнения в возможности учредить справедливый общественный порядок нашли отражение в произведениях Карамзина, написанных в 1793—1794 годах и опубликованных им в альманахе «Аглая» (очерки-письма «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», стихотворное послание к А. А. Плещееву и др.). Однако разочарование во французской революции не поколебало присущей Карамзину глубокой веры в возможности просвещения.

Альманах «Аглая» (1794—1795) состоял почти весь из произведений самого Карамзина. Напечатанные здесь повести «Остров Борнгольм» и «Сиерра-Морена» заметно отличаются от предшествовавших. Герои новых повестей — люди, находящиеся во власти трагических и сильных страстей. Пейзажные зарисовки проникнуты мрачными тонами, в отличие от умиротворяющих картин природы, характерных для сентиментального стиля. Таким образом, в творчестве Карамзина уже отчетливо намечались тенденции, которые позднее были развиты русскими романтиками.

Стихи Карамзина меньше известны, чем его проза. Между тем для своего времени поэтическое творчество Карамзина тоже было существенным этапом. Стихи его заучивали наизусть, переписывали в альбомы, переделывали и подражали им.

Заслуга Карамзина как поэта состояла также в том, что он активно вводил в стихотворную практику малоупотреблявшиеся размеры и белый стих, споры о котором шли в течение всего XVIII столетия.

Продолжая свою литературную деятельность, Карамзин все больше и больше внимания уделял вопросам истории и политики. В 1802—1803 годах писатель издавал журнал «Вестник Европы». Он просуществовал 29 лет и стал крупной вехой в истории русской журналистики. Помещавшиеся здесь обзоры

держали читателя в курсе общественной жизни Западной Европы. Редактируя журнал в течение двух лет (1802—1803), Карамзин обеспечил ему подлинный успех. По словам В. Г. Белинского, отдельные книжки «Вестника Европы» «зачитывали до лоскутков»⁶.

Со знанием дела и искусством талантливого литератора Карамзин отбирал материалы, в которых освещались вопросы, волновавшие современников. В «Вестнике Европы» публиковались не только документы, обзоры и статьи на политические и литературные темы, но и художественные произведения. Из напечатанных сочинений Карамзина заслуживают внимания повести «Марфа-посадница», «Моя исповедь», «Рыцарь нашего времени». Два последних произведения замечательны тем, что в них — впервые в русской литературе — ставятся проблемы художественного психологизма.

Повесть «Марфа-посадница» представляет значительный интерес и как литературное произведение, и как выражение историко-политической концепции Карамзина. Характерен избранный автором сюжет: борьба новгородцев за политическую независимость. Писатель показывает обреченность вольного Новгорода, но все симпатии автора явно находятся на стороне новгородцев. Знаменательно, что Карамзин, рисуя героическое прошлое русского народа, стремился быть как можно точнее и ближе к исторической правде.

Обращение Карамзина к специальному изучению русской истории было подготовлено всем предшествовавшим этапом его деятельности. С 1804 года до самой смерти (1826) писатель работал над созданием «Истории государства Российского». Появление этого труда оказалось важным событием для всей русской культуры. Огромный материал, изученный писателем, впервые был изложен систематически, живо и занимательно. В течение многих десятилетий труд Карамзина являлся главным пособием для историков и литераторов, желавших познакомиться с прошлым России. «История государства Российского» до сих пор сохраняет значение ценного исторического источника и читается с большим интересом. Для современников Карамзина это было открытием нового мира. «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом»⁷, — писал Пушкин. Выхода новых томов «Истории» ожидали с нетерпением, прочитывали их с молниеносной быстротой, о них спорили, писали.

Историограф осуждал тиранию и самовластие, но твердо придерживался взгляда, что монархия — это наиболее прием-

лемый способ правления для России как страны с обширной территорией. Монархические иллюзии Карамзина послужили поводом для известной эпитафии Пушкина и вызвали суровую критику со стороны декабристов, не принимавших политическую концепцию «Истории государства Российского». Однако и декабристы, и Пушкин отдавали должное заслугам Карамзина-историографа и широко использовали его материалы при создании своих художественных произведений. Достаточно сказать, что во время написания «Бориса Годунова» «История» Карамзина была настольной книгой для Пушкина.

В историческом труде вполне проявился и художественный талант Карамзина. Ему удалось нарисовать яркие, запоминающиеся образы разных деятелей русской истории, передать колорит каждой эпохи. Всех читателей восхищал язык историографа: эта, по выражению Белинского, «дивная резьба на меди и мраморе, которой не сгложет ни время, ни зависть»⁸.

В истории русского литературного языка Карамзину принадлежит одно из почетных мест. Не случайно крупнейшие литераторы первой половины XIX века признавали Карамзина своим учителем в отношении языка. Разумеется, и другие писатели XVIII века много сделали для того, чтобы литературный язык стал проще и доступнее. Но именно Карамзин повел последовательную борьбу с ненужными церковнославянизмами. Писатель неоднократно высказывался по этому поводу, обосновывая необходимость языковой реформы. Он создал замечательные образцы русской литературной речи в самых различных жанрах.

Художественная литература, публицистика, издательское дело, история, язык — вот те области русской культуры, которые были обогащены в результате деятельности этого талантливого человека. Вслед за Пушкиным можно повторить и сейчас: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему в дани уважения и благодарности»...⁹

Н. М. Карамзин и древнее благочестие

В письме к доктору Робину Милнер-Галланду от 16 февраля 1977 г. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о персонаже Диккенса мистере Джингле из «Пиквикского клуба»: «Джингля я считаю совершенно замечательным персонажем мировой лите-